

0 7 2 3 4 1 8 - 1

На правах рукописи

ИБРАГИМОВ ГАЙНИСЛАМ ДАВЛЕТБАЕВИЧ

ИМЯ ДЕЙСТВИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

(функционально-семантический аспект)

Специальность - 10.02.02 - языки народов РФ

(башкирский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

УФА - 2001

Работа выполнена на кафедре башкирского и общего языкознания факультета башкирской филологии и журналистики
Башкирского государственного университета

Научный руководитель - заслуженный деятель науки РБ, доктор филологических наук, профессор
М.В.Зайнуллин

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000253832

Официальные оппоненты - член-корреспондент АН РБ,
доктор филологических наук, профессор И.Г.Галяутдинов;

кандидат филологических наук
Л.Х.Самситова

Ведущая организация – Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН

Защита состоится «27» сентября 2001г. в 15.00 часов на заседании Диссертационного совета Д-212.013.06 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Башкирском государственном университете (450074, г. Уфа, ул. Фрунзе, 32).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Башкирского государственного университета

Автореферат разослан «25» августа 2001г.

Ученый секретарь диссертационного совета доктор филологических наук, профессор

А.А.Федоров

Актуальность данного диссертационного исследования заключается в том, что вопрос о синтаксической роли и морфологическом статусе, а также функционально-семантических особенностях имени действия в башкирском языке до сих пор остается нерешенным. Особенно наглядно это проявляется при анализе научной литературы, посвященной описанию имени действия, а также при сопоставительном анализе имени действия в разных тюркских языках.

Одним из первых в отечественной тюркологии на проблему имени действия как особой функциональной формы глагола обратил внимание Н.К.Дмитриев, который уделил значительное внимание рассмотрению этого вопроса в своей «Грамматике башкирского языка»¹. Башкирские языковеды – М.В.Зайнуллин, Р.Ф.Зарипов², Н.Х.Ишбулатов³, Г.Г. Саитбаталов⁴, К.Г.Ишбаев⁵, З.Г.Ураксин, А.А.Юлдашев⁶ и другие – в своих работах проанализировали морфологические особенности, способы образования, функционально-семантические и стилистические признаки и свойства имени действия в башкирском языке. Значительный вклад в разработку проблемы имени действия в тюркских языках внесли видные отечественные тюркологи Б.А.Серебрянников, Н.З.Гаджиева, А.Н. Кононов, Э.В.Севортян, Н.А.Баскаков⁷ и др.

Однако в тюркологии, в том числе в башкирском языкознании, существуют противоречащие друг другу взгляды и мнения на проблему роли и места имени действия в грамматической системе тюркских языков, недостаточно глубоко проанализирован вопрос о способах образования имен действия в башкирском языке и не определена номенклатура формальных показателей, используемых для их образования.

¹ Дмитриев Н.К. Башкорт теленең грамматикаһы. – Өфө, 1950. С. 182.

² Зайнуллин М.В., Зарипов Р.Ф. Хәзерге башкорт әзәби теленең морфологияһы. – Өфө, 1979. С. 71.

³ Ишбулатов Н.Х. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков/Программа. – Уфа, 1988.

⁴ Хәзерге башкорт теленең морфологияһы. – Өфө, 1979. С. 68-70.

⁵ Ишбаев К.Г. Глаголы -мак/-мәк в башкирском языке // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа, 1973. С. 98 – 106.

⁶ Грамматика современного литературного башкирского языка. – М., 1981. С. 321-322.

⁷ Серебрянников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: 1986. С. 233; Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.-Л.: 1956. С. 114-119; Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. – М.: Наука, 1979; Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. Ч. 1. – М., 1952.

Цель и задачи исследования. Главной целью данной диссертации является выявление роли, места, функционально-семантических особенностей и грамматической природы имен действия в современном башкирском литературном языке в сопоставлении с другими глагольными формами башкирского языка, а в отдельных случаях и в сопоставлении с другими тюркскими языками. В соответствии с поставленной целью в диссертационном исследовании были решены следующие задачи:

1. Проведен лексико-семантический анализ форм имен действия на -мак/-мәк, -ыш/-еш, -уу/-еу;
2. Выявлены особенности имен действия в башкирском языке в сравнении с отдельными тюркскими языками;
3. Раскрыто своеобразие функционирования имен действия в башкирском языке на основе изучения их употребления в произведениях различных жанров современного башкирского литературного языка.

Методологической и теоретической основой диссертационного исследования послужили основополагающие идеи и труды отечественных языковедов, раскрывающие общие существенные черты языка как средства общения и формирования знаний человека об окружающем мире и их отражения в самой структуре языка.

Методы исследования. Для решения поставленных задач были использованы методы структурно-семантического анализа и, в ряде случаев, метод сравнительно-сопоставительного изучения лингвистических единиц с привлечением данных из других тюркских языков, которые позволили систематизировать и классифицировать собранный в ходе исследования языковой материал и обеспечили необходимую степень доказательности предлагаемых выводов.

Исследованный материал. Основным материалом для проведения исследования послужили: «Башкирское народное творчество» (т. 1 – 18), «Словарь башкирского языка» (т. 1, 2), «Туркменско-русский словарь», «Словарь омонимов башкирского языка», «Словарь синонимов башкирского языка», «Словарь антонимов башкирского языка», произведения современной башкирской прозы, поэзии и драматургии, использовались также произведения современной башкирской публицистики. В качестве иллюстративного материала привлекалась преимущественно письменная форма современного литературного башкирского языка.

Научная новизна работы определяется следующим:

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. А. ЛОБАЧЕВСКОГО
КАЗАНСКОГО ГОС. УНИВЕРСИТЕТА

- впервые в башкирском языкознании имена действия исследуются в монографическом плане с использованием принципа сопоставительного исследования;

- дан анализ грамматической природы имен действия в башкирском языке, изучены их лексико-грамматические и функциональные свойства на основе богатого фактического материала.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Традиционная классификация целого ряда групп номинативных единиц в тюркских языках, обладающих свойствами именных и глагольных классов, является недостаточной для понимания специфики номинации в тюркских языках;

2. Имена действия в тюркских языках представляют собой совокупность лексико-грамматических разрядов, объединяемых не столько по функционально-семантическому признаку, сколько на основе отнесения этих единиц либо к разряду имен, либо глаголов;

3. Сравнительно-сопоставительный анализ единиц глагольно-именных классов в башкирском языке в сравнении с другими тюркскими языками дает возможность с большой полнотой проследить историю формирования, становления и развития и особенности функционирования имен действия в тюркских языках, что позволит выдвигать новые гипотезы о путях формирования тюркских языков и, соответственно, предлагать новые классификации тюркских языков;

4. Имена действия в башкирском языке четко противопоставлены друг другу и другим классам лексико-грамматических единиц по лексико-семантической нагрузке, сфере употребления, семантико-стилистическим особенностям.

Научно-практическая значимость диссертационного исследования состоит в том, что полученные результаты могут быть использованы в дальнейшей разработке проблем морфологии тюркских языков, в особенности глаголов, а также для подготовки лекционных и специальных курсов и спецсеминаров как по современному башкирскому языку, так и по сравнительной грамматике тюркских языков. Материалы диссертации могут быть использованы также в подготовке учебников и учебно-методических пособий, при составлении программ по башкирскому языку для средних и средних специальных учебных заведений, лицеев, колледжей и вузов. Фактический материал, представленный в диссертации, может быть использован также на семинарах и практических занятиях по современному башкирскому языку.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры башкирского и общего языкознания Башкирского государственного университета.

Основные положения диссертационного исследования излагались на заседаниях кафедры башкирского и общего языкознания БГУ, в выступлениях на республиканских, региональных и международных научно-практических конференциях: на научно-практической конференции, посвященной 40-летию Башгосуниверситета, «Профессор Н.К. Дмитриев и башкирская филология» (Уфа, 1998), на Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы преподавания и изучения филологических дисциплин» (Стерлитамак, 1999), на республиканской научно-практической конференции молодых преподавателей, аспирантов и студентов, посвященной 10-летию факультета башкирской филологии и журналистики и 55-летию Победы (Уфа, 2000).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографии.

Содержание работы

Во введении обосновывается выбор темы, ее актуальность, научная новизна, анализируется и раскрывается теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования, определяются цели и задачи работы.

Первая глава работы посвящена общей характеристике аффиксов, образующих имена действия в тюркских языках. Данная глава состоит из двух разделов: 1. История изучения имени действия в башкирском языкознании; 2. Словообразование имен действия в тюркских языках.

Первый раздел посвящен истории изучения имен действия в башкирском языкознании. На основе анализа трудов башкирских языковедов рассматриваются следующие вопросы: методы и приемы исследования имен действия, их лексико-грамматические значения, способы морфологического выражения, синтаксические и стилистические функции. Отмечается, что в последние годы проблема изучения имен действия, несмотря на свою значимость для понимания сущностных свойств тюркского глагола, не привлекала особого внимания языковедов.

Для обозначения этого лингвистического явления в башкирском языкознании используются следующие термины: *инфи-*

нитив, билдәһезлек һөйкәләше, кам һөйкәләш, кылымдың максат формаһы, уртаҡ кылым, исем кылым, хәрәкәт исеме и др.

Сравнительно слабая изученность имен действия в тюркских языках, как отмечает Н.К.Дмитриев, объясняется следующим образом.

«Инфинитив», на что указывает уже его исходное латинское значение (от лат. *infinitus* 'бесконечный', *infinitivus* 'неопределенный, не имеющий границы'), является полуфункциональной и полисемантической лингвистической категорией. Что и затрудняет ее детальную и логически обоснованную спецификацию и верификацию. В структуре же лингвистических единиц инфинитив занимает промежуточную позицию между глаголами и именами, обладая, соответственно, свойствами и тех, и других. Кроме того, в течение довольно длительного времени на эти единицы тюркских языков смотрели сквозь призму норм русского языка, точнее — европейских, не учитывая весьма специфических особенностей агглютинативных языков, таких, например, как наличие склонения у имен действия или форм лица у имен, в отличие от инфинитива индоевропейских языков. Если подходить к морфологическим единицам агглютинативных языков с точки зрения принципов, выработанных при анализе индоевропейских языков, получается, что в тюркских языках, например, глаголы склоняются, а имена спрягаются.

Исходя из подобного рода фактов, Н.К.Дмитриев¹, несмотря на определенную евроцентричность своих лингвистических взглядов, но вместе с тем и с полным пониманием специфичности тюркских языков, выделяет в составе тюркских языков четыре группы по характеру функционирования в них категории «инфинитива»:

1) языки с утвердившейся формой инфинитива — азербайджанский, туркменский и другие;

2) языки с двумя глагольными формами, выполняющими функцию инфинитива (то есть сопоставимыми с инфинитивом, например, русского языка), — башкирский и татарский;

3) языки с глагольной формой, выделяемой в языке и описываемой в грамматиках в качестве инфинитива, но на практике не используемой в данной функции — узбекский, каракалпакский;

¹ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. — М.-Л., 1948. С. 171.

4) языки с глагольными формами, не устоявшимися в качестве инфинитива, – карачаевский и балкарский.

В отношении башкирского языка Н.К.Дмитриев отмечает, что функцию инфинитива здесь выполняют две формы глагола: формы на -ыу/-еу, -оу/-өү, -у/-ү, а также формы на -ырға/-ергә, -орға/-өргә. Но не включает в этот состав формы на -мак/-мәк. Н.К.Дмитриев предложил также терминологически разграничить эти две формы как «кылым-исем» (алырға) и «исем-кылым» (алыу).

В настоящее время среди башкирских языковедов проблема терминологического определения этих форм глагола пока что не нашла своего окончательного решения. Проблема, однако, заключается не только и не столько в терминологии, хотя несомненно, что она тоже важна. Проблема здесь заключается в структурно-типологических свойствах самих тюркских языков, в известной степени синкретичности, а следовательно, и недифференцированности, отдельных тюркских морфологических форм. Они, в отличие, например, от таких же категорий индоевропейских языков, выполняют множество функций, свойственных разным частям речи и распределенным по разным лексико-грамматическим рядам.

Так, Н.Х.Ишбулатов¹ предложил рассматривать глагольные формы на -ыу/-еу, -оу/-өү, -у/-ү в качестве основного инфинитива (төп инфинитив), а формы на -ырға/-ергә, -орға/-өргә в качестве целевого инфинитива (максат инфинитив). Несколько забегаая вперед, можно отметить, что данное решение было продиктовано скорее анализом частотных характеристик, степенью употребительности этих форм, чем их лингвистическим статусом в системе глагольных форм. Так, в 18-ом – 19-ом веках функцию основного инфинитива следовало бы признать за формой на -мак/-мәк.

Г.Г.Саитбатталов² формы на -ырға/-ергә / -орға/-өргә, наряду с формами на -мак/-мәк и -мага/-мәгә включает в состав так называемых промежуточных глаголов (уртак кылым), а формы на -ыу/-еу, -оу/-өү, -у/-ү рассматривает как имя действия (исем-кылым), подчеркивая тем самым их функциональную роль и распределяя по степени близости к именам или глаголам.

¹ Ишбулатов Н.Х. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / Программа. – Уфа, 1988.

² Хәзерге башкорт теленең морфологияһы. – Өфө, 1979. С. 68-70.

К.Г.Ишбаев и З.Г.Ураксин выявили функциональную роль форм на -уу/-еу, -у/-ү и -мак/-мэк. Они же отметили параллелизм употребления этих форм глагола, что может быть свидетельством, с точки зрения истории развития именных глагольных форм башкирского языка, смены функциональной роли данных форм глагола. Можно отметить, что на протяжении последнего столетия роль форм на -уу/-еу, -у/-ү неизменно возрастала.

А.А.Юлдашев¹, в отличие от большинства лингвистов, исключил имя действия из состава глагольных форм, отметив, что имя действия выполняет по преимуществу функции именных частей речи. Суть его позиции, как нам представляется, заключается в понимании необходимости разграничения лексического и собственно грамматического значений словоформ, что недостаточно четко прослеживается в некоторых лингвистических исследованиях.

Во втором разделе анализируется словообразование имен действия в тюркских языках. Имя действия, будучи функционально-семантической формой глагола, встречается во всех тюркских языках. Оно образуется с помощью аффиксов -мак/-мек, -ма/-ме, -ыш/-иш, -ув/-үв, -в (-уу/-еу /-ү), -асы/-еси, -гусы/-гүси, представленных в различных фонетических вариантах. Необходимо отметить, что данные аффиксы в различных тюркских языках выполняют двоякую функцию: с одной стороны, они функционируют как формообразующие аффиксы, а с другой – как словообразующие, что в определенной степени затрудняет их классификацию.

В данном разделе рассматривается также вопрос о том, в каких группах тюркских языков и какую функциональную роль выполняют те или иные аффиксы и приводятся многочисленные примеры различных тюркских языков. На основе анализа многочисленных языковых фактов, взятых из разных языков, было выявлено, что аффиксы -мак/-мек, -ма/-ме, -ыш/-иш используются для образования имен действия и обладают универсальными грамматическими свойствами. На основе анализа

¹ Грамматика современного башкирского литературного языка. – М., 1981. С. 321-322.

исследований, проведенных А.М.Щербаком¹ и Т.Т. Талиповым², описывается также происхождение ряда аффиксов.

Во второй главе рассматривается вопрос о функционально-семантической роли форм на -мак/-мек. Среди тюркологов нет единства на происхождение и морфемный состав этого аффикса. По мнению Э.В.Севортьяна³, этимологически он состоит из двух частей: -м и -ак, которые продолжают использоваться и как самостоятельные аффиксы. Например, в таких словах, как *алым* 'букв. взятие', *налым* 'налог', *тузем* 'терпение', *бүлем* 'деление'; *башак* 'колос', *тозақ* 'силок' (башк.). Данная точка зрения была поддержана и Г.И.Рамstedтом⁴. А.Н.Кононов⁵ в свою очередь считает, что данный аффикс необходимо членить на -ма и -к. Он высказывает предположение, что форма на -мак/-мек представляет собой имя действия в дательном-направительном падеже, которая впоследствии стала собственно именем действия. Сходное мнение о происхождении данного аффикса высказывает и Б.А. Серебrenников⁶, опираясь при этом на данные не только тюркских, но и финно-угорских и самодийских языков.

Сфера употребления глагольных форм на -мак/-мек в различных тюркских языках различна. Наиболее употребительна она в огузских языках: в турецком, азербайджанском, туркменском, гагаузском. Например, *Şart mart konuşmaga meydan vermedi. Mani demege geldim, kaymak yemege geldim* (тур.); *Озал яманламага зат тапман йөрөн заңқарларың гөкдәки дилеглери ерде говушды* (туркмен.); *Һәр кәс шејләрини кәмидән чыхармага тәләсирди* (азерб.). В других тюркских языках данная форма встречается реже и имеет иные лексико-грамматические значения.

¹ Щербак А.М. Очерки сравнительной морфологии тюркских языков (Имя). – Л., 1977. С. 164; Он же. Деепричастие на -а/-у(ј) в тюркских языках. Вопросы грамматики. – М.-Л., 1960. С. 230.

² Талипов Т.Т. Об одной тенденции структурно-фонетического развития древнетюркского показателя имени действия на -ыг в истории тюркских языков//Советская тюркология. – Баку, 1988. С. 10-14.

³ Севортьян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. – М., 1966. С. 303.

⁴ Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. – М., 1957. С. 101.

⁵ Кононов А.Н. Тюркские этимологии. Ученые записки. III У. № 129. Серия востоковедческих наук. вып. 4. История и филология стран Востока. – Л., 1954. С. 276-277.

⁶ Серебrenников Б.А. К вопросу о происхождении элемента к (g, q, z) в окончании дательного-направительного падежа в тюркских языках. Краткие сообщения Института народов Азии. 83. Монголоведение и тюркология – М., 1964. С. 69-70.

Особый интерес представляет взаимодействие глагольных форм на -мак/-мек с аффиксами множественного числа и косвенных падежей, поскольку здесь можно наглядно видеть взаимодействие именных и глагольных категориальных значений в рамках одной словоформы.

В соединении с аффиксами косвенных падежей, например, винительного, формы на -мак/-мек обозначают объект действия и выступают в функции дополнения. Например, в туркменском: Халка-да **чыдамагы, гөршмеги, еңмеги** өвредйэрдилер (Б.Сейтэков). В локативе (падсж места и времени) они выступают в функции обстоятельства, а в азербайджанском и турецком языках при употреблении в соединении с глагольной формой на -ол функционируют в качестве составного сказуемого. Например, *Шимали — гәрбдәй кәлән вә шәһәри титрәтмәкдә олан топ* курултулары сакит олмушду (М.Ордубади) (азерб.); *Başımı çevirdiğim zaman onun bana doğru gelmekte olduğunu gördüm* (Sabahattin Ali) (турецк.). При этом данная глагольная форма выступает в качестве показателя прошедшего времени.

Что касается письменных памятников древности, то в прошлом данная глагольная форма использовалась намного шире и при этом имела гораздо более широкий круг значений, чем в современных тюркских языках, например: *qarmak* 'крюк, крючок', *toqimak* 'молоток' и другие¹.

Имена действия на -мак/-мәк в современном башкирском языке по своим лексико-грамматическим свойствам и сферам употребления сильно отличаются от имен действия на -ыу/-еу, -ү, -ыш/-иш. Если, как показывают наблюдения историков языка, в 17-ом — 18-ом веках наиболее распространенной формой были имена действия на -мак/-мәк, то в современном башкирском языке их во многом сменила форма на -ыу/-еу.

В современном башкирском языке такие формы встречаются преимущественно в устной речи².

Характерной особенностью имен действия в башкирском языке, как и во всех тюркских языках, является их промежуточное положение между именем и глаголом. С одной стороны, они выполняют функции, свойственные именам, — являются в предложении подлежащим или дополнением, изменяются по

¹ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. 428-576.

² Ишбаев К.Г. Инфинитивные формы глагола в башкирском языке. Автореф. канд. дисс. — Уфа, 1975. С. 28.

надежам и числам, а с другой стороны, – обозначая действие или состояние, имея формы лица, примыкают к глагольной лексике, особенно в тех случаях, когда употребляются для выражения наличия или отсутствия признака, обозначенного в корне.

По отношению к именам действия на -мак / -мэк в современной тюркологии нет единого мнения. Часть тюркологов (А.М.Щербак, И.А.Батманов, Н.Ф.Катанов и др.) рассматривает их в качестве отглагольного имени, другая (Н.А.Баскаков, Т.А.Абдурахманов, Х.Неталисва и др.) – обозначает их как имена действия. Отдельные ученые (М.А.Казем-бек, В.А. Богородицкий), выделяя в этих формах преимущественно глагольные значения, рассматривают их в качестве инфинитива. Можно сказать, что лингвисты стремятся вписать данную лингвистическую категорию в рамки некоторой уже существующей парадигмы языка, основанной на бинарной оппозиции имя (субстанция)/глагол (действие), выделяя при этом то один, то другой аспекты данного лингвистического явления.

Если рассматривать имена действия на -мак/-мэк под этим углом зрения, то можно отметить, что эта группа форм глагола в башкирском языке отличается чрезвычайно разветвленной семантической структурой, в рамках которой теснейшим образом переплетаются как глагольные, так и именные свойства и признаки, что и делает имена действия одним из наиболее интересных объектов лингвистического анализа, по крайней мере в тюркологии.

Так, можно выделить пять признаков глагола, свойственных именам действия на -мак/-мэк в башкирском языке.

1. Как и глаголы, они обозначают действие, состояние и целевые характеристики действия и состояния, их целенаправленность: *Ни эшлэмэк кәрәк? Икенсе рәт йыйылмак булдылар* 'Что делать? Решили собраться во второй раз' (М.Гафури); *Дошман безгә тағы ут асмак була, һабан туйын таратмак була* 'Враг снова решил открыть огонь по нам, решил устроить нам сабантуй' (М.Кәрим); *«Ни эшлэмәк булаһың инде ул өс бөртөк сәсте?» – тип һораны Сәлиха* '«И что ты хочешь делать с этими тремя волосками?» – спросила Салиха' (Ж.Кейскбаев).

2. В составе сказуемого взаимодействует с прилагательными и местоимениями: *— Ағаңдан халғас, ни йәнең менән еңгәне ебәрмәк кәрәк* (Н.Дәүләтшина); *Карт көнөмдә булһи ла, күҙемдә асып, китап тигән серле донъяға*

кылмак булдым ‘Хоть и на старости лет, решила открыть глаза и *окунуться* в этот таинственный мир книг’ (З.Бейешева); *Янһары, уны йәнә күрмәк булып, артына боролон караһа, карт инде күз күреме ер китеп өлгөргән була* ‘Янхары повернулся, чтобы еще раз *взглянуть* на него, а старик уже успел далеко уйти’ (Әкияттән).

3. Как и глаголам именам действия свойственна категория переходности/непереходности.

Мәскәү яһамак булған, балык ауламак булған ‘Решил снасти *изготовить*, рыбу *ловить*’ (эпостан); *Беззең авторитетка гөпөлдәтеп һужмак булалар* ‘Хотят *подорвать* наш авторитет’ (М.Кәрим).

Уға тағы ышанмак булаһың ‘Снова хочешь *поверить* ему’ (Н.Дәүләтшина); *Асыуланып хан шулай ярлык халды, күп тәскәр дошманына бармак булды* (Әл-кисса Бузъегет) – непереходные имена действия.

4. Интересно распределение категории наличия/отсутствия и ее проявления в именах действия. В формах на -мак/-мәк эта категория проявляется только частично, в виде наличия, аспект отсутствия оформляется с помощью форм на -ырға/-ергә / -орға/ -өргә. Например: *барырға булды – бармаска булды; бармак булды – бармаска булды* ‘решил *сходить* – решил не *ходить*’. Вполне возможно, что это свидетельство угасающей продуктивности и употребительности форм на -мак/-мәк.

5. И наконец имена действия на -мак/-мәк имеют аспект возможности/невозможности. Однако и здесь, как и в предыдущем случае, использование данной парадигмы несколько ограничены: *Мәрйенбикә, иренең мәрйен, ауызың уймак, мөмкин түгел ул ауыззы үбеп туймак* (Ш.Бабиç); *Ни эшләһең, был инде һәр кемдең башына килә һәм унан котолмак мөмкин булмаған бер бәлә* (С.Ағиш).

Наряду с глагольными свойствами в именах действия на -мак /-мәк явно выражены и именные свойства. Эти признаки сближает их с именными частями речи.

1. Отличительной особенностью имен действия на -мак/-мәк является их способность изменяться по падежам, за исключением родительного падежа, что связано с особенностями семантики этой разновидности имен действия, явно выраженным целевым значением. *Үлмәктән халмак юк* (мәкәл); *Тужтағол һаман да үз аһ-зарын сәсмәктә* (Ғ.Ибраһимов);

Һин теләйһең үзеңдең дошманыңды ергә йыкмакты (М.Фафури).

2. В официальных документах и устном народном творчестве, в шежере 16-го – 19-го веков, в произведениях писателей начала 20-го века форма имени действия на -мак/-мәк использовалась намного шире и, в отличие от современного употребления, имела формы притяжательности. Например: *«Ужымакһың илә тиз, фәһем итер был языу кемдән икәнлеген» - тинеләр.* (Батыршаның батшаға язған хаты);

3. Современные формы имени действия на -мак/-мәк утратили способность иметь формы склонения, лица и числа, что обеспечивает их функционирование в качестве имени. Например: *Бейә һаумаҡ – ут йотмаҡ* 'доить кобылу – играть с огнем', *Кымыз бешмәк – йән сыкмаҡ* 'Пока кумыс приготовишь – душа вон' (мәкәл); *Күңел калмаҡ – йән сыкмаҡ* (мәкәл); *Ир һынамаҡ – бурыс* 'Испытание мужчины – исполнение долга' (мәкәл); *Әжәл етмәгән әзәмгә артык әүмер һөрмәк бар* (Әл-кисса Бузъегет).

4. В сочетании с глаголами движения формы на -мак/-мәк образуют следующие подгруппы:

а) обозначение орудия для совершения данного действия или обозначение состояния – *баһмаҡ, елмәк*;

б) обозначение результата или места действия – *йырмаҡ, катмаҡ, коймаҡ, уймаҡ, икмәк, киһмәк, кәйелтмәк*;

в) обозначение состояния, к которому привело данное действие – *табышмаҡ, йәшенмәк, уйнамаҡ, һынамаҡ*;

г) образует абстрактные обозначения состояния или действия – *карамаҡ, күрмәк, алмаҡ, бармаҡ, килмәк*.

5. Имена действия на -мак/-мәк могут занимать различные синтаксические позиции, то есть быть различными членами предложения.

В современном башкирском языке они выполняют:

а) роль подлежащего – *Һуғышмаҡ борон-борон замандан калған* (Һ.Дәүләтшина); *Яратмаҡ бер, ләкин юлдары ла күп* (М.Фафури); В сочетании с модальными словами «бар, юк» оно также служит подлежащим – *Әйтмәк бар, кайтмаҡ юк* (мәкәл);

б) прямых и косвенных дополнений – *Һинең төһөңдә язмактан ғажиҙ тел, Был донъя йәниһә – һин, һин, асыҡ бел* (М.Фафури);

в) различных видов обстоятельств – *Унан күрмәк, Корбан да язылғайны* (Д.Исламов); *Ахыр килеп, һынамак өсөн, йәштәр, укыусылар көсө менән берәй концерт биреүзе ойоштороп булыр тигән фекергә килде* (З.Бейшева);

г) однако основная их функция – это быть сказуемым. Например: *Ул тормоштан алмак йылы урын, эләктермәк һимез өлөшөн* (Р.Бикбаев).

Анализируя особенности функционирования в башкирском языке имен действия на -мак/-мәк, Н.К.Дмитриев¹ отметил, что это древняя форма, в настоящее время не характерная для современного башкирского языка, но сохраняющаяся в живой разговорной речи, в сочетании со словом кәрәк образует фразеологизированное сочетание. Например: *Ни эшләмәк кәрәк?* ‘Что же делать?’ *Бөтәһенә дә нисек өлгөрмәк кәрәк?* ‘Как все успеть?’ В этой же работе он отметил и некоторые другие особенности функционирования и семантической структуры имен действия в башкирском языке, в частности, более широкое употребление формы -максы/-мәксе. Например: *Урал яман укталған – утка этмәксе булған* (эпос); *Ошо арала – базар китмәксе* (Ж.Кейекбаев).

Подводя предварительный итог, можно отметить, что в настоящее время имя действия на -мак/-мәк играет пассивную роль² и в современном башкирском языке замещается формами на -ырга/-ергә.

Третья глава исследования посвящена анализу лексико-грамматических значений и функционированию в языке имен действия на -ыш/-еш/-ош/-өш.

В отличие от предыдущей группы имен действия, имена действия, образованные с помощью аффикса -ыш/-еш/-ош/-өш представляют собой наиболее субстантивированные языковые единицы. Свойства имени в них проявляются намного полнее и отчетливее. Множество словоформ, принадлежащих к данной группе имен действия в настоящее время функционируют уже как имена: *атыш* ‘стрельба’, *үсеш* ‘рост’, *төзөлөш* ‘строительство’, *әйтеш* ‘айтыш – поэтическое соревнование’, *асыш* ‘открытие’ и т.д. Эта форма имен действия весьма характерна как для живой разговорной речи, так и

¹ Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. – М., 1948. С. 172-173

² Ишбаев К.Г. Глаголы -мак/-мәк в башкирском языке//Вопросы башкирского языкознания. – Уфа, 1973. С. 98 – 106.

очень часто используется в художественной литературе для характеристики персонажей. Отличительной особенностью данной группы имен действия является изменение по падежам, что как раз и подтверждает мысль об их более или менее полной субстантивации. Например: *Мәгәнһез кан койошто бөтөрөгә ине* (М.Ямалетдинов); *Өсөнсө шарты – кыззырылган суйын өйгә куныштан* (Әкият); *Кан койош... Улеш... Кыйралыш...* (Д.Юлтый).

Данная форма имени действия изменяется также и по лицам: *Аптырашлы карашың, арыслан менән килешен, сит булырзай күренә* (*карашың* 'твой взгляд' – 2-е лицо, единственное число).

Исследования древних рукописей, рунических надписей, сопоставительное исследование этой формы имен действия в различных тюркских языках показывает, что некогда данный аффикс выполнял двоякую функцию – словоизменения и словообразования, что нашло отражение в эволюции его значений в современных тюркских языках. Так, если для туркменского, узбекского и уйгурского языков эта форма имен действия является широко употребительной, то например, в каракалпакском, кумыкском, киргизском и других тюркских языках вместо формы с аффиксом *-ыш/-еш* широко употребляются формы с другими аффиксами, образующими имена действия.

Считается, что аффикс *-ыш/-еш/-ош/-өш* один из наиболее древних аффиксов. По крайней мере, он часто встречается в древних рукописях и рунических надписях. По поводу его происхождения и лексико-грамматических значений существует несколько мнений.

Э.В.Севортян¹ считает, что «учитывая довольно широкое распространение в истории тюркских языков омонимии (или синкретизма) грамматических форм и значений, можно думать, что приведенные омонимы – глагол – имя – образованы омоморфным аффиксом *-ш*».

Говорить здесь об омоморфности, видимо, следует с известной осторожностью. Когда речь заходит о древнейших состояниях в развитии языка и выявлении древнейших типов грамматических и иных значений, обязательно следует учитывать то обстоятельство, что понятия, приложимые к современному состоянию языка, могут не обладать и очень часто не об-

¹ Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. – М., 1966. С. 141.

ладают достаточной степенью объяснительной силы применительно к предшествующим этапам эволюции языковой системы. На становление агглютинативного строя и, в частности, на происхождение агглютинирующих аффиксов тюркских языков существует множество точек зрения. Как показывают изыскания в этой области, омонимичность аффиксов представляет собой результат дивергенции, связанной с расчленением древнейших синкретичных лексико-грамматических структур на имя и глагол, что в результате привело и к омонорфности служебных частей слова¹.

А.Н.Кононов², исходя из представлений о развитии абстрактных значений из конкретных, возводит данный аффикс имен действия – -ыш/-еш – к слову «эш/иш» со значением ‘парный, двойной, подобный, совместный, сотовариш’.

Со взглядами А.Н.Кононова перекликается и мнение В.М.Хангильдина³, который возводит этот аффикс к слову «иш» ‘товариш, друг, приятель’. Есть и другие мнения по поводу возникновения аффикса -ыш/-еш.

Частота употребления данной формы имени действия в разных тюркских языках неодинакова, однако можно говорить о том, что она довольно широко употребляется в речи, как устной, так и письменной. Так, анализ художественных и других текстов на азербайджанском, турецком, гагаузском, узбекском, туркменском, уйгурском языках показывает активное их использование в настоящее время. В отличие от предыдущей формы имен действия, имена на -ыш/-еш характеризуются практически абсолютной семантической однородностью во всех тюркских языках, что позволяет предположить значительную древность этого форманта и слабую степень семантической изменчивости на протяжении довольно длительного времени. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что данный аффикс не имеет семантических вариантов на всем пространстве существования тюркских языков.

Четвертая глава посвящена рассмотрению имен действия, образованных с помощью аффикса -ма/-мә.

Имена действия, образованные с помощью аффикса -ма/-мә, довольно широко употребляются в тюркских языках. Однако степень употребительности этой глагольной формы и ее категориальное значение в разных тюркских языках различны:

¹ Кузнецов П.И. О происхождении тюркских падежных аффиксов // ВЯ, 1994, №2.

² Кононов А.Н. Грамматика узбекского языка. – Ташкент, 1948. С. 134.

³ Хангильдин В.М. Татар теле грамматикасы. – Казан, 1954. С. 53-54.

если в одних языках он рассматривается как формообразующий аффикс, то в других – как словообразовательный аффикс¹. Соответственно, и терминология, применяемая для описания имен действия этой группы, различна: *усеченный инфинитив, имя действия, глагольное имя, формообразующий аффикс усеченной формы инфинитива* и т.д. В турецком языкознании, испытывавшем значительное влияние арабского языкознания и заимствовавшем из него практически всю грамматическую терминологию, используются термины *eylemlik* и *mastar*.

Не меньше споров вызывает и этимология данного аффикса. Если Г.И.Рамstedт² объясняет его происхождение от некоей адъективной формы глагольного аффикса -а, то Н.А.Баскаков и Г.Д.Санжесв возводят происхождение аффикса -ма/-ме к аффиксу -мак/-мек. Последняя точка зрения представляется более предпочтительной, поскольку позволяет верифицировать ее данными фонологии³.

Как и предыдущая группа имен действия, форма на -ма/-ме обладает категориями числа, лица, падежа. Наиболее широко данная группа встречается в азербайджанском, турецком, гагаузском, туркменском языках.

В башкирском языке имена действия, образованные с помощью аффикса -ма/-мә, за редкими исключениями типа *тар-тма, койма, булма* и т.п., встречаются редко.

В пятой главе рассматриваются имена действия на -ыу / -сү / оу / өү / -у / -ү, представленные в башкирском языке наиболее широко. Эта группа имен действия широко встречается также в татарском, уйгурском, языке сибирских татар, карачаево-балкарском, тувинском, хакасском, шорском, камасинском, чулымском, сары-уйгурском и целом ряде других тюркских языков.

Как и формы на -мак/-мәк, имена действия на -ыу/-сү / оу / өү / -у / -ү широко встречаются в памятниках письменности 18-го – 19-го веков. Памятники башкирской письменности этим хорошо отличаются от письменных памятников, написанных, например, на староузбекском языке, в которых данная форма употребляется сравнительно редко⁴.

¹ Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. – М., 1966. С. 124

² Рамstedт Г.И. Введение в алтайское языкознание. – М., 1957. С. 101.

³ Иванов Вяч.Вс. О функциях гортанной смычки // Звуковой строй языка. – М.: Наука, 1979.

⁴ Халикова Р.Х. Язык башкирских шжерс и актов документов 18-го – 19-го веков. – М., 1990. С. 105.

В настоящее время в современной башкирской лексикографии данная форма имени действия принята в качестве инфинитива, точнее – исходной формы глагола. Во всяком случае во всех словарях именно эта форма используется как исходная для описания глагольных единиц башкирского языка.

Показать роль и место данной группы имен действия в современном башкирском языке можно на примере следующего текста.

*Һыу койоноу йөрәк эшмәкәрлеген **якшыртууға**, нервы системаһын һәм һулыш алыу органдарын **нығытууға** ярзам итә. Ләкин йылғала койоноу һыуға батыу куркынысын да килтереп тыузыра.*

Йөзә белмәү күп осрақта батыуға сәбәп була. Йөзә белеү батып үлеүҙән коткармай элө. Һыуҙың йылынып етмәүе күнекмәгән кешеләрҙең һәләк булуына алып килә.

*Кояшта **кызыныуҙан** һуң капыл һыуға **кереү** ярамай. Инеү менән сумып китеү айырыуса куркыныслы: кешене көҙөн **йыйырыуы** мөмкин* (Календарзан, 1994й., март).

Уже на материале этого небольшого текста можно видеть, какое место занимают имена действия на -**ыу/-еү** / -**оу/-өү** / -**у/-ү** в современном башкирском языке.

Однако в башкирской литературе есть примеры, когда повторение одного и того же слова создает определенный художественный эффект.

*Тыуған ерҙең **яңырауы** –*

*Ир-егеттең **тыуыуы**.*

*Сит ерҙә байлык **кыуыуы** –*

*Тыуған төйәк **һулыуы**.*

*Ергә ереген, бил **быуыуы***

*Шәжәрәнең **нығыуы**,*

***Нығыуы**, ай, **нығыуы**. (Ф.Юлдашбаева).*

Имена действия, образуемые с помощью аффикса -**ыу/-еү** / -**оу/-өү** / -**у/-ү** широко используются и в народном творчестве – кубаирах, бантах, частушках-такмаках, пословицах и поговорках.

В силу своей исключительной распространенности имена действия на -**ыу/-еү** / -**оу/-өү** / -**у/-ү** пронизывают собой практически всю систему языка, образуя множественные пересекающиеся ряды синонимов, антонимов, омонимов, что обеспечивает широкие возможности для экспрессивно-стилистического варьирования лексических единиц как в уст-

ной речи, так и в художественных произведениях. Использование их в устной речи обеспечивает краткость, афористичность высказывания, поэтому не случайно их широкое употребление именно в пословицах и поговорках. А в художественной литературе имена действия наиболее активно используются при необходимости передачи действия как состояния, особенно в тех случаях, когда необходимо выразить внутренние переживания героя, его мысли и чувства.

Например, *Бар кешене коткарыу, Йәншишмәнән һыу алып, үлгәндәрҙе терелтеү өсөн тыуған батырмын* («Урал батыр» эпосынан); *Һеңрән жунактары килеп, аралашыу; дуслашыу теләген белдерҙеләр* (К.Мәргән); *Был инде талау ғына түгел, кәмһетеү, хурлау, йәберләү ине* (К.Мәргән); *Рәссамға лозунг язырға кушыу – алтын сүкеү оҫтаһына балсыҡ бағырға бойороу менән бәрәбәр* (Ғ.Хисамов).

Значительное число слов, прежде относившихся к именам действия, в современном башкирском языке субстантивировалось, создав тем самым значительный по объему пласт омонимичных словоформ. Например: *шартлау* 'взрыв', *һөйөү* 'любовь', *белдереү* 'оповещение, уведомление', *көтөү* 'ожидание, забота, призрение', *һайлау* 'выбор', *танышыу* 'ознакомление, знакомство', *буяу* 'краска, покраска', *һөйләшеү* 'разговор', *һынау* 'испытание', *уҡыу* 'чтение, обучение', *сәсеү* 'посев, сев', *һорау* 'вопрос', *осрашыу* 'встреча', *үлсәү* 'измерение', *ярашыу* 'соглашение', *янау*, *ауырыу* 'болезнь', *игәү* 'напильник' и т.д.

Определить лексико-грамматическую принадлежность таких слов вне контекста практически невозможно, что составляет характерную особенность не только башкирского или тюркских языков, но и всех аналитических языков в целом. В большинстве случаев это связано, как нам представляется, со слабой выраженностью принадлежности той или иной словоформы к какому-либо определенному лексико-грамматическому разряду слов на формальном уровне. Это хорошо видно на примере такой группы слов, как имена действия. На примере форм, образованных с помощью аффикса -ыу/-сү / -оу/-өү / -у/-ү, это проявляется особенно наглядно. Например, *һалыу* (һугыу 'ударить; удар') – *һалыу* (ауырыу 'болезнь; болеть') – *һалыу* (ауырлыҡты йөкмәтеү 'Нагрузить; нагрузка'); *уҡыу* (дәрәс 'урок') – *уҡыу* (китап уҡыу 'читать; чтение'); *ахлау* (коткарыу 'спасти') –

аклау (буяу 'покрасить'); *кәтәу* (мал-тыуар 'стадо') – *кәтәу* (кәтәп алыу 'пасти; ухаживать'); *үлсәу* 'взвешивание' – *үлсәу* 'мера измерения'.

Как видно из приведенных примеров, один из членов омонимичной пары является именем существительным, а другой – именем действия, то есть глагольной формой. Однако в башкирском языке нередки случаи, когда членами омонимической оппозиции выступают не только разные части речи, но и разные значения одной и той же формы глагола. Например, *ярыу* (тукмау 'бить') – *ярыу* (кисеу 'резать, колоть'); *салыу* (аяк салыу 'препятствовать, мешать') – *салыу* (мал салыу 'резать скот'); *сүпләу* (йыйып алыу 'собирать') – *сүпләу* (кыйлау 'сорить').

Имена действия на *-уу/-еу / -оу/-өү / -у/-ү* широко используются и в составе различных устойчивых оборотов. Например: *шыр ебарәу*, 'бояться', *олтан булыу* 'пресмыкаться', *сәс йолкоу* 'рвать волосы (на себе)', *табан ялтыратыу* 'сбежать, убежать; букв. сверкать пятками'; *кәкре кайынға терәтеу* 'обмануть, обвести; букв. прислонить к кривой березе', *баш ватыу* 'ломать голову', *утлы табаға бақтырыу* 'поставить в неловкое положение; букв. поставить на горячую сковородку', *борсак сәсеу* 'букв. сеять горох'.

Данные фразеологизированные сочетания часто имеют однословные синонимичные параллели, например: *кул күтәрәу* – *һуғыу* 'поднять руку – ударить'; *ауыз асыу* – *башлау*, *хәбәр һөйләу*, *ғәжәпкә калыу* 'заговорить; рассказывать, сообщать; оторопеть'; *үксәһен күтәрәу* – *касыу* 'бежать, сбежать' и т.д.

Однако в целом ряде случаев такие устойчивые выражения не имеют однословных параллелей. Например, в современном башкирском языке употребляются следующие формы выражения таких значений, как 'решить' – *хәл итеу*; 'продолжить' – *дауам итеу*; 'присматривать' – *күз-колак булыу*; 'опасаться, остерегаться' – *һак булыу*; 'расцвести' – *сәскә атыу*; 'восстать, воспротивиться' – *баш күтәрәу*; 'включать, составлять, состоять' – *тәшкил итеу*; 'уничтожить' – *юк итеу*; 'разбить, рассеять, уничтожить' – *тар-мар итеу* и т.п. При этом совершенно недопустимо говорить *дауамлау*, *күз-колаклау*, *тәшкилләу*, *хәлләу*, *тар-марлау*, *юклау*.

Если же однословная синтетическая форма и встречается, то она, как правило, является членом омонимичной пары, на-

пример: *һахлау* 'охранять, сохранять', но не 'остерегаться'. Для выражения этих значений в современном башкирском языке используются преимущественно аналитические формы выражения, а не синтетические. Вполне возможно, что это связано с агглютинативно-аналитическим строем башкирского языка, когда лексические и грамматические значения передаются при помощи различных словоформ, разделены в пределах словосочетания на лексический и грамматический компоненты. Имена действия выступают носителями лексического значения, а для передачи грамматических значений используются вспомогательные глаголы и различные модальные слова.

Характерной особенностью идиоматических словосочетаний является их переносное значение, например: *борсак сәсеу* – мактапуу 'хвастаться, букв. горох сеять'; *башлы-күзле итеу* – өйләндереу 'женить'; *тәртә кыйшайтыу* – үсегеу 'обидеться' и т.п.

Несмотря на то, что форма имени действия на -*ыу/-еу / -оу / -өү / -у/-ү* принята в качестве исходной формы глагола, в системе языка она выполняет по преимуществу функции имени. Об этом говорят, в частности, приведенные выше примеры употребления имени действия на -*ыу/-еу / -оу/өү / -у/-ү* в составе аналитических лексико-грамматических структур. Еще одним свидетельством преимущественно именных функций данной формы является то, что в языке широко используется способность имен действия изменяться по надежам и числам. Особенно широко используется Основной падеж (Төп килеш). Например: *Сырайы таушалған, ағарынған, күзәрәндә йонсоу, талсығыу күренеп тора* (Н.Мусин); *Уларҙың эшендә бындай төпсөнөүҙәр булырға тейеш түгел* (Н.Мусин).

Особое положение имени действия в системе грамматических форм башкирского языка можно видеть на примерах форм отрицания, которые используются в именах действия. В башкирском языке глагол и имя имеют собственные формы отрицания. В глаголах для этого используется аффикс -*ма-/мә-*, а в именах – послелоги или модальные слова: *түгел*, *күж*, *мөмкин түгел* и др. При использовании глагольного аффикса отрицается наличие действия, выраженного в корне. При этом имя действия выражает по преимуществу глагольные оттенки значений. Если же используется форма именного отрицания, то имя действия имеет явно выраженное именное значение. Использование обеих форм отрицания одновременно представляет собой отрицание отрицания и служит для выражения необхо-

димости того действия, которое названо в корне. Например: *белеу – белмәу – белеу юк; белеу / белмәу мөмкин түгел, белеу / белмәу ярамай; килеу – килмәу – килеу түгел, килеу юк, килеу / килмәу ярамай* и т.д.

В сочетании со вспомогательными словами *кәрәк, тейеш, бар, юк, ярай, ярамай* имя действия передает разнообразные оттенки модальных значений¹.

Например: *Шулай корорак тотонмаһаң, уларҙың башына менә башлауҙары бар* (Б.Бикбай); *Һиңә белә тороп, өйҙән сығып китмәү кәрәк ине* (Ф.Исәнғолов).

Следует также отметить параллелизм значений двух форм – на *-ыу/-еу / оу / өү / -у/-ү* и *-ырга/-ергә*. В сочетании с модальными словами обе эти формы имеют синонимичное значение. Например: *Уйлаһаң бында ла бар бер ғибрәт, һүҙе лә урынында һөйләү кәрәк* (М.Ғафури); *Дошмандың тын алышын алдан белеп тороу кәрәк* безгә (Я.Хамматов); *«Халыкты йыйып һөйләшеү кәрәк», – тип кабатланы Иштуған* (З.Бейсешева); *Һәр бер халык, милләт, үз мәнфәғәттәрен үстөрөп, үз телен һаҡлап, бәхетле йәшәргә тейеш* (Ә.Чаныш).

В данной главе рассматриваются также фонетические особенности имен действия на *-ыу/-еу / -оу/-өү / -у/-ү*, особенности словообразования и склонения, употребление в составе различного рода словосочетаний, предложений и текстов.

Как было сказано выше в башкирской лексикографии в качестве инфинитивной формы используется форма имени действия на *-ыу/-еу*. Однако это приводит к тому, что в словарях очень часто не фиксируется имена существительные, образованные путем конверсии. Например, в 2-х том «Словаре башкирского языка» (М., 1993) в качестве самостоятельной лексической единицы не отмечено огромное количество имен существительных типа *йылмайыу* (улыбка), *һөйөр* (любовь), *яҙыу* (письмо), *кисеу* (брод)...

В последнее время в словаре ряда тюркских языков в качестве информативной формы использованы формы на *-ырга/-ергә*.

В заключении излагаются выводы исследования, показана необходимость и плодотворность изучения имени действия в башкирском языке. Выявлены функционально-семантические и

¹ Зайнуллин М.В., Ишбулатов Н.Х. Хәзерге башкорт әзәби теле. Фонетика. Морфология. – Офа, 1986. С. 136.

грамматические особенности имен действия в современном башкирском литературном языке в сопоставлении с другими глагольными формами башкирского языка, а в отдельных случаях и в сопоставлении с другими тюркскими языками. Проведен лексико-семантический анализ имен действия на -мак/-мәк, -ыш/-еш, -уу/-еу. Полученные результаты позволяют говорить о том, что они могут быть использованы в практике школьного и вузовского преподавания башкирского языка и при проведении сравнительно-сопоставительных исследований грамматики тюркских языков. Работа может быть использована при составлении программ по башкирскому языку для средних и средних специальных учебных заведений, написании курсовых и дипломных работ.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Başkurt Türkçesi Grameri (Грамматика башкирского языка) - Анкара, 1996. - 40 с.

2. Türkçe - Başkurtça konuşma kılavuzu (Турецко-башкирский словарь). - Анкара, 1996. - 242 с.

3. Төрки телдәрҙә исем кылымдың -мак/-мәк форматы һәм уның кулланылышы (Формы на -мак/-мәк в тюркских языках и их употребление) // Материалы научной конференции студентов и аспирантов факультета башкирской филологии и журналистики, посвященной 40-летию Башкирского государственного университета. – Уфа, 1997. – С.18-19.

4. Төрки телдәрҙә исем кылымдың яһалышы (Образование имен действия в тюркских языках) // Республиканская научно-практическая конференция «Профессор Н.К.Дмитриев и башкирская филология». Материалы конференции. – Уфа, 1998. -- С. 180-181.

5. Башкорт телендә -мак/-мәк ялгаулы исем кылымдар (Имена действия на -мак/-мәк в башкирском языке) // Республиканская научно-практическая конференция «Профессор Н.К.Дмитриев и башкирская филология». Материалы конференции. Уфа, 1998. –С. 182-183.

6. Башкорт телендә исем кылымдың бәйләүестөр менән килеүе (Употребление послелогов с именами действия в башкирском языке) // Проблема изучения и преподава-

ния филологических наук. Сборник материалов в 4-х частях. Всероссийская научно-практическая конференция. – Sterlitamak, 1999. – С. 102-105.

7. Ябай фразеологик берәмектәрҙә исем кылымдар (Имена действия в простых фразеологических сочетаниях) // Филология һәм журналистика. Бөгөн һәм иртәгә. Тезисы республиканской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей, посвященной 10-летию факультета Башкирской филологии и журналистики и 55-летию Победы. – Уфа, 2000. – С. 63-64.

8. Идиоматик әйтемдәрҙә исем кылымдар (Имена действия в идиоматических выражениях) // Филология һәм журналистика. Бөгөн һәм иртәгә. Тезисы республиканской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых преподавателей, посвященной 10-летию факультета Башкирской филологии и журналистики и 55-летию Победы. – Уфа, 2000. – С. 74-76.

И.И.И.

Ибрагимов Гайнислам Давлетбаевич

ИМЯ ДЕЙСТВИЯ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ
(функционально-семантический аспект)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

*Лицензия на издательскую деятельность
ЛР № 021319 от 05.01.99 г.*

Подписано в печать 07.08.2001 г. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Компьютерный набор.
Отпечатано на ризографе. Гарнитура Times.
Усл.печ.л. 1,51. Уч.-изд.л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ 503.

*Редакционно-издательский центр Башкирского университета.
Отпечатано на множительном участке Башкирского университета.
450074. Уфа, ул. Фрунзе, 32. Тел.: (3472)236-710*

9 -